

На большой дороге

Федор ПАНФЕРОВ

□ □

МНЕ не совсем удобно писать об этом, но в то же время неудержимо хочется поделиться с читателями о том, что совсем недавно произошло в Ивановском районе Брестской области.

Ивановский район расположен в краю Пинских лесов и болот, на большой дороге, проложенной от Москвы через Минск, Брест, Варшаву до Берлина. По этой дороге когда-то двигались на нашу Родину полчища оголтелых завоевателей — панская шляхта, войска Наполеона, гитлеровцы, а потом посрамленные и разбитые удирали воясы.

Когда мысленно представляешь себе все эти события, то видишь одно — страшными бедствиями они обрушивались на простых людей. И думаешь, какими же могущественными душевными качествами обладали эти люди, сплоченные в братском союзе русских, украинцев, белорусов. Ведь бедствие-то на них обрушивалось смертельное: им приходилось покидать хозяйства, уходить в глубь болот и лесов, а когда враги изгоняли, возвращаться на пепелища, где поля уже зарастали мелколесьем и затягивались мочегинами.

Вот в один из таких районов, в Ивановский район, мы недавно и прибыли.

Земля тут такая, о которой хлеборобы говорят: «окаянная». Пески, подзолы, кочкастые болота и могущественные леса, неумолимо наступающие на человека: стоит только два-три года не пахать поле, как оно покроется березой, осиной или дрянным деревом — ольхой. К тому же здесь лет пятьдесят тому назад была внедрена столыпинская хуторская система. Она-то и разъединила людей, превратив их в мелких частных собственников, враждующих меж собой и беспощадно эксплуатирующих и до того бедные земли. И теперь еще кое-где видны следы этой системы. В колхозе «Заря коммунизма» улица тянется, как и положено: хаты стоят окнами в улицу. Все это дома переселенцев с хуторов. Они обновленные, с покрашенными наличниками, веселые. А вот старые. Хаты в улицу смотрят не окнами, а задками. Значит, настолько враждебно были настроены владельцы этих хат, что не только сами не смотрели друг другу в глаза, но и хатам не позволяли смотреть окнами в окна.

Так жили хуторяне до прихода Советской власти, вдали от общества, по берегам болот, на опушках глухих лесов, куда пробирались зачастую по тропам. Пришла Советская власть, и в первую голову молодежь заявила родителям:

— Не хотим жить, как живут волки, в трущобах. В колхозе и клуб, и школа, и детские ясли, и магазины. Там народ, а тут глухомань.

Да, но к чему это я так расписался и все никак не могу заговорить о том, ради чего мы, поэты С. Васильев, Я. Смеляков и я, приехали в Ивановский район. Трудно, как-то неудобно мне подступить ко всему этому. Трудно и неудобно потому, что все это необычайное событие, произошедшее в Ивановском районе, как-то связано с моим романом «Раздумье». Ну, а если я к читателям обращаюсь с таким словом:

— Дорогие друзья! За сорок лет моей литературной деятельности передо мной прошли сотни, если не тысячи читательских конференций, я во множестве городов нашей страны выступал на больших собраниях чи-

тателей, отдавая им на суд свои труды, и никогда, нигде не писал об этом. И сейчас пишу про то, что произошло в Ивановском районе потому, что это событие необычайное, имеет большое общественное значение, а не потому, что оно связано с моим романом «Раздумье». Прошу мне в этом поверить и снять с моей души неудобство.

Месяца два тому назад секретарь Ивановского районного комитета партии Михаил Кузьмич Ильинковский позвонил в Москву и сообщил о том, что у них в районе около двадцати тысяч тружеников сельского хозяйства прочли и прослушали на коллективных читках роман «Раздумье», что по колхозам уже прошло больше двадцати читательских конференций и что готовится районная конференция, на которую придут из колхозов не менее тысячи читателей.

«Что-то невероятное. Не втирает ли очки?» — подумал я, но на одиннадцатое октября конференция назначена и надо ехать.

За два дня до конференции мы втроем и прибыли в район, где в небольшой гостинице застали корреспондентов московской, республиканской и областной прессы, вскоре подъехали секретарь Брестского обкома тов. Зайцев, работники отдела пропаганды, представители ЦК Коммунистической партии Белоруссии, Министерства культуры.

Признаться, меня охватил страх. Не вредная ли шумиха все это?

Однако, побывав в некоторых колхозах, предварительно ознакомившись с их деятельностью, мы отправляемся в колхоз имени Сталина (по уверению Михаила Кузьмича, в «центре» нет подходящего помещения) и здесь у нового клуба увидели огромное количество грузовых и легковых машин, толпы людей.

— Иду на народный суд, — подумал я, — где не принято садить. А тут вот еще «этот легион представителей... Разорвут они меня».

Идем в клуб, и опять я думаю, что зал, наверное, пуст. Выходим на сцену и видим: партер, балкон забиты колхозниками. Они же стоят в проходах, в коридорах, всюду уже расставлены прожекторы, как головы кобр. Они, эти «кобры», испытывают свой свет на публике: включают, выключают... И я вижу, в зале большинство молодежи, по-праздничному разодетая. Но читали ли они все роман? Может, прибыли из-за любопытства?

Но вот начались выступления.

Выступают доярки, свинарки, телятницы, садоводы, полеводы, трактористы, звеньевые, председатели колхозов. Говорят они взволнованно, без так называемых «шпаргалок», живым словом. Порою спотыкаются, но выправляются, и аудитория на их слова живо реагирует, аплодирует. Они требуют от художественного произведения «взволнованности», «эстетического наслаждения», но в то же время и помощи — как жить, как работать («идейное значение»).

Выступают председатели колхозов, в большинстве люди со средним, а то и с высшим образованием. Не оторвавшись от своего народа и проходя, но довольно жестко всыпая мне за то или иное неудачное место в романе, они «по косточкам» разбирают характер, поведение, деятельность председателя колхоза «Гигант»

Иннокентия Жука, одного из героев «Раздумья». И в конце речей говорят, что вот с таких председателей надо брать пример, что такие в их районе уже имеются, и во всеуслышание говорят о них, упоминая их имена.

Доярки, а они все молодые, красивые своей молодостью, остротой ума, тоже походя всыпая мне, ставят в пример героиню романа доярку Коврову, животноводы — Марьям, телятницы, свинарки — чабана Егора Пряхина, партийные работники — секретаря обкома Акима Морева. Особенно взволнованно говорит молодая свинарка. Она с дрожью в голосе сочувствует переживаниям Егора Пряхина, когда у него погибла отара овец.

— И я бы так же переживала. У нас как-то погиб поросенок, и то мы все плакали, — говорит она и сердечно приветствует чабанов за ту бескорыстную помощь, какую оказали они своему сотоварищу по труду, отделив от своих (премиальных) овец для новой отары Егора Пряхина.

Я смотрю в зал и вижу, там от волнения люди плачут, а когда свинарка смолкла, ее проводят с трибуны бурей аплодисментов.

Да, да. В каждом выступлении не только требование от произведения эстетического наслаждения, но и помощи в личной жизни, в укреплении колхозов, мощи государства.

Но у меня опять смущение. Все ли они читали роман? Может быть, читали только те, кто выступает с трибуны, а остальные прибыли сюда, чтобы посмотреть на живых писателей. Посмотрели и не уходят потому, что уж очень взволнованно выступают ораторы. Вот сейчас объявят перерыв, и люди разойдутся.

Но после перерыва зал клуба был также переполнен, и с трибуны лились столь же страстные, взволнованные речи, и слушатели не покидали мест и также сердечно реагировали на выступления, провожая ораторов аплодисментами, одобряющими репликами.

У меня все-таки думка: а может, не все читали роман?

Но вот один из ораторов заканчивает речь так:

— Товариш Панферов, вы своего героя Акима Морева в конце книги ночью оставили в лимане, окружив фиолетовыми огоньками волчьих глаз. Мы требуем от вас фиолетовые огоньки заменить синими глазами Елены... Он достоин этого.

И все, кто сидел в партере, на балконе, на сцене, кто стоял в проходах, — все разразились бурными аплодисментами.

Я подумал:

— Значит, читали роман. Значит, не ради любопытства прибыли сюда, а ради того, чтобы, оттолкнувшись от романа, уразуметь самих себя, свои героические поступки в труде, в быту, свои промахи и еще раз светлыми глазами посмотреть на пути, ведущие к счастливому будущему. И еще я подумал, какая огромная ответственность лежит на нас, литераторах, перед столь замечательным читателем, и насколько лучше нам надо писать свои произведения.

Конференция длилась восемь часов, и мы, слушая читателей, уверились в том, что эти люди, приложив свой труд, «окаянную землю» превратят в матушку-кормилицу, в чем им и должна помочь художественная литература.

Известия, 22.X.59.